

**A PUBLICATION OF S. LISICIAN'S UNKNOWN
TRANSLATION OF «ABU LALA MAHARI», A POEM BY
A. ISAHAKYAN**

Srbuhi Lisician

**ПУБЛИКАЦИЯ НЕИЗВЕСТНОГО ПЕРЕВОДА
С. ЛИСИЦИАН ПОЭМЫ АВ. ИСААКЯНА
«АБУ ЛАЛА МАҺАРИ»**

Вступительная заметка со слов С. Лисициан.

Зная, что по просьбе А.А. Спендиарова мною в 1914/15 году было написано для него либретто¹ по пьесе Л. Шанта «Старые боги» (ибо до того как писать оперу «Алмаст», Александр Афанасьевич предполагал написать оперу «Старые боги» а затем, ознакомившись с моим полным авторизованным переводом «Старых богов» напечатанным в «Русской мысли» за 1915 г.: зная также, что этот перевод мой выбран М. Горьким для «Сборника армянской литературы» и помещен там-редакторы готовившегося к печати сборника «Поэзия Армении» П. Макинциан и К. Микаэлян в 1915 г. заказали мне перевод поэмы Аветика Исаакяна – «Абу Лала Маһари». Перевод мною был сделан с напечатанного в Константинополе в 1911 г. варианта этой поэмы, под заглавием «Абу Лала, (а не Абул Ала) Маһари». так как мне не удалось получить находящийся у Гарегина Левоняна экземпляр ее рукописи из-за его выезда из Тбилиси, хотя П. Макинциан и К. Микаэлян рекомендовали для перевода эту рукопись.

Мною был подготовлен не подстрочник, а полный ритмизованный художественный, перевод этой поэмы белыми стихами, так как в тот период Аветик Исаакян не внес еще рифмы в свою поэму. Трудность перевода состояла в нахождении для силлабического ритма белых стихов Аветика Исаакяна тонического ритма стихов на русском языке, ибо русское стихосложение не силлабическое, а тоническое.

¹ Мое либретто находится по сей день в архиве А.А. Спендиарова в Судаке.

Примечание

Лисициан Србуи Степановна (1893-1979) – советский ученый, искусствовед, исследователь танцевального и театрального фольклора, доктор исторических наук. Отец С. Лисициан – известный советский ученый Степан Лисициан. Србуи Лисициан создала студию ритма и пластики в Тифлисе, в дальнейшем преобразованную в институт. В 1930 году основала и стала первым директором хореографического училища в Ереване. В качестве режиссёра-балетмейстера совместно с композитором Саркисом Бархударяном была одним из авторов балета «Наринэ» (1936).

С 1945 года работала в Ереванском художественно-театральном институте, потом – старшим научным сотрудником в Институте археологии и этнографии Академии наук Армянской ССР. Занималась исследованием этнической хореографии (этнохореографии), историей армянского танцевального искусства, является автором ряда монографий на данные темы. Созданная С. Лисициан система записи танцевальных движений (кинетография) позволила с математической точностью фиксировать положение тела в пространстве, проводить анализ движений и мизансцен танцев и театральных представлений.

Србуи Лисициан также известна как переводчик произведений классиков армянской литературы на русский язык. В частности, в 1914 году Ю. Веселовский обратился к С. Лисициан по поручению А. Спендиарова с просьбой написать либретто для оперы «Старые боги» по одноименной драме известного армянского писателя Левона Шанта. С. Лисициан в довольно сжатые сроки написала либретто для предполагаемой оперы, а позднее, по совету Ю. Веселовского, полностью перевела и саму драму Л. Шанта. Перевод С. Лисициан «Старых богов» был напечатан в 1915 году в журнале «Русская мысль», а спустя один год – в «Сборнике армянской литературы» под редакцией М. Горького. Отметим, что по совету Ов. Туманяна А. Спендиаров отказался от идеи написания оперы «Старые боги» и начал работу над оперной обработкой его поэмы «Взятие крепости Тмук», впоследствии ставшей оперой «Алмаст».

Либретто «Старых богов» на протяжении долгого времени хранилось в архиве А. Спендиарова в Судаке, а затем, по словам

дочери композитора Татьяны Александровны, исчезло во время фашистского нашествия на Судак во время Великой Отечественной войны.

Опубликованный перевод всей драмы Л. Шанта «Старые боги» был высоко оценен известной армянской поэтессой Мариэттой Шагинян в сборнике «Столетие лежит на ладони», изданном в Москве в 1981 году, в главе «Србуи Лисициан». Данный перевод особенно ценен, поскольку является единственным авторизованным переводом «Старых богов», выполненным и изданным с одобрения самого Л. Шанта.

С. Лисициан также перевела драмы Л. Шанта «Император» и «Женщина», которые, однако до сих пор не опубликованы. Однако их рукописи сохранились и ждут своей публикации.

Аветик Исаакян

АБУ ЛАЛА МАЪАРИ

КАСИТ*

Перевод с армянского Србуи Лисициан

* По-арабски – поэма, написанная строфами в две длинные строчки.

Абу Лала Маһари

(арабский писатель в X-XI веках)

Абу Лала Маһари,
великий поэт Багдада,
три десятки лет прожил в великом городе халифов,
прожил в довольстве и славе;
с сильными и богатыми за трапезой сидел,
с учеными и мудрыми спор затевал,
любил и испытывал друзей;
побывал в странах многих народов, зрил и наблюдал людей
и их законы;
и его проникновенная душа познала человека, познала и глубоко
возненавидела человека и его законы.
И так как он не имел ни жены, ни детей, он раздал бедным
всё своё богатство, собрал караван своих верблюдов и
однажды, ночью, когда Багдад погрузился в сон на кипарисовых
берегах Тигра – тайком удалился из города...

Абу Лала Маһари

Первый сураһ*

И караван Абу Лалы нежно журча, как ручей,
мигал спокойно в дремотной ночи, под сладкий звон бубенцов.
Шагом ровным мерил путь тот караван извиваясь,
и сладостный звон изливал, наполнял им полей тишину.
Полный неги дремал Багдад, в пышных, ярких, райских снах;
в садах соловой пел нежно газели** с любовной слезой.
Фонтаны смеялись смехом ясным, как алмаз;
и благоуханье кадилось, и покой разливался вокруг замка халифов.
И караван плавно качался, подвигаясь вперед, и назад не глядел,
- и Абу Лалу ласкал и манил бесконечный путь тысячей чар.
- “Иди, все иди, караван мой, и не возвращайся назад, иди, остановок не зная,
так говорил в души глубине Абу Маһари, великий поэт.
Иди в уединение пустынных степей, в вольную и святую, изумрудную даль:
устремись к солнцу, иди, и в солнечном сердце мое сердце сожги!
Ах, я не говорю вам, добро оставаться, могила отца, колыбель материнская.
душа моя навеки поссорилась с вами, отчий кровь мой, воспоминания детства.
Я очень любил друзей своих и людей всех – далеких и близких,
и любовь моя стала теперь змеей ядовитой, жалит сердце мое ненавистью ярой.
Ненавижу теперь, что когда-то любил и что видел в душе человека;
в душе человека насчитал я тысячу гнусностей, мерзостей, суеты и скверны.
Но бегу я от гнусности тысячу первой – низкой лжи, что украшает лицо человека светлым сиянием безгрешных святынь.

* глава

** песня любви

Язык человека, ты, что небесным, лазурным покровом, светом, приветом покрываешь ад души человека – проронил ли ты хотя бы одно слово правды?

Язык человека, стрела ядовитая, мёд источая ты сердце мое уязвила,

в душе моей умерло небо любви, яркое солнце, надежда и вера!

В пустыню иди, караван мой, в дикую безлюдную, горящую пустыню

и приют свой найди под скалами, как медь порыжевшими, среди диких зверей.

Разобью шатер, на гнездах скорпионов и змей разобью шатер свой,

там в тысячу раз безопасней, спокойней и сладостней, чем между людей.

Чем на груди лживого друга, куда с любовью главу преклонял я, на груди, что собою бездну лжи прикрывает на твою безвозвратную гибель.

Доколе жжет солнце величавого Синая вершину

и пустыни желтые волны песков предо мною расстилаются –

Не возжелаю я видеть лицо человека, ни друга, ни близкого кровью

не возжелаю я слышать и видеть их суетных, злобных, коварных дияний!”...

И в последний раз Абу Маһари обернулся, взглянул на уснувший Багдад,

и лоб свой, полный морщин, отвернул с отвращением и к шее мохнатой верблюда прильнул.

С лаской любовной, устами горячими приложился к его светлым очам и с ресниц у него повисли жгучих слез неудержимых две капли.

С сладостным звоном, спокойно, тихо и плавно качался тот караван,

шел вперед к пустыне, к девственным брегам, и неведомым далям...

Второй сурах

И извиваясь тот караван между рядами высоких пальм,
пыль подымая, караван пыли, в легкий ветер той пылью правил
“Вперед караван мой, что покинули мы, чтобы глядеть назад с сожалением?”

так говорил с сердцем своим Абу Маһари, великий поэт.

Что осталось за нами, чтобы мы, тоскуя, вернулись назад, караван мой?

Покинули-ль друга, жену, иль родных, славу ль, семью иль богатство?

Покинули-ль мы людей, и народ, и отчизну, закон, справедливость и право?

Иди, остановок не зная, покинули мы только оковы и цепи, ложь и обман!

И женщина что же?... коварный и лживый, кровожадный паук, тщеславие вечное,

что любит лишь хлеб твой и, яд в поцелуи вливая, в объятиях твоих продается другому.

В ветхой ладье лучше ты морю доверься, чем женщины клятве поверь;

блудница, сводница, она – преисподня прелестная, устаи ея Иблис* говорит.

Ты грезил о далекой звезде, о лилии чистой, как крыло ангела белой,

что будет бальзамом ранам моим, под болью жизни – златозарным сном.

Ты жаждал песни родника, к себе тебя влекущей в светлых берегах,

жаждал сладких слез на небесной груди, грезил о бессмертия росе.

Но любовь женщины душе твоей жаждущей даст лишь горечь солёной воды, чтоб ты постоянно томился

и, в огне сладоострастном желанья, победной женщины тело лизал и не утолялся.

* сатана

О, бесстыдное, женское тело змеиное, зла и преступления
дьявольский сосуд,
ты, что горьким упоением плоти омрачаешь солнце души!
Ненавижу любовь – ранащий вечно, вечно обжигающий страсти
океан,
сладкий этот яд, коим опьяненный – раб иль властелин!
Ненавижу любовь, что жестока, как смерть, что вечно рождает
зло без узды,
она источник неиссякаемый, тину злодейства на мир
громоздящий.
Ненавижу женщину, лобзанья её, гнушаюсь коварства,
оскверняющих ласк, бегу ея ложе порочного и проклиная роды
ея.
Роды жестокие и постоянные, что порождают стаю ехидн,
друг друга жалящих и уязвляющих, звезды оскверняющих
страстью чадной своей.
Бесчестен тот, кто в отца превращает себя и из блаженного
небытия, к бытию призывает былинку злочастную и над главою
её зажигает жизни Геену.
“Предо мною отец согрешил, я же не грешен ни перед кем”,*
это мое завещанье на могиле моей пусть напишут, если только
найду под луной я могилу.
Доколе море объемлет Гаджаса** берега изумрудные –
к женщине я не вернусь и по чарам ея не соскучусь.
Терний суровый и дикий буду скорее ласкать и иглы его
лобызать,
главу положу на горящие скалы и заплачу на теплой груди их....
И караван, нежно звеня, мерил путь свой, извиваясь,
шел вперед к пустыне, спокойно и тихо, в золотистую даль.
Бубенцы, казалось, рыдали и изливали по капле звенящие слезы,
караван, казалось, сладко оплакивал то, что любил Маһари и
покинул.
И свирели зефиров пели сладко нежные шарги**,
про раны любви, про тоскливую скорбь и тихую грусть мечтаний.
И были думы Абу Лалы мрачны и горе его беспредельно,

* эта строчка начертана на гробнице поэта

** Провинция Аравии на берегу моря.

как и его путь, что извивался, тянулся, не зная предела и не имея конца.

В души глубине тосковал безнадежно Абу Маһари дни и ночи, взор устремив к безвестным звездам, сплетясь с безконечным путем.

И назад не глядел на пройденный путь и не жалел о покинутом прошлом,

не отвечал на приветы и не слал приветов встречным караванам...

Третий сураһ

И караван Абу Лалы нежно журча, как ручей, спокойно, тихо вперед подвигался при свете смиренной луны.

И луна, как грудь юной девы джанната* прозрачная, светлая, то стыдливо пряталась за тучи, то сияла трепетно, нежно.

В благовонную дрему цветы погрузились, нарядом горя из алмазов роскошных,

радугокрылые птицы ласкали друг друга с щебетом нежным.

Аромат гвоздики нашептывал ветер сказки их тысячи одной ночи;

кипарис и пальма на путях качались в упоенном сне.

И рассказу ветра внимая, Абу Маһари говорил с собою беззвучно:

“Мир точно сказка волшебная, полная чар, что не имеет конца и начала.

Кто же это сплел ту величавую сказку, сплел вместе со звездами, с тысячей чудес,

и кто ж ее говорит беспрестанно с таким волшебством на тысячу тысяч ладов?

Народы являлись, исчезали народы и не осилили смысла ее, поэты лишь поняли что-то и лепечут бессмертные звуки.

И никто не слышал начала ее и конца никогда не услышит;

веками живет каждый звук, не имея конца, ни начала.

Но для каждого новорожденного в свет эта прекрасная сказка снова звучит

* рай

и вместе с каждой новой жизнью вновь начинается и прерывается вновь с смертью ее.

Жизнь – сновиденье, мир – сказка, поколения, народы – прохожий караван,

который в сказке, вместе с сном пламеняющим незримо шагает к могиле.

Слепые и глупые люди, без сновиденья, не внимая той сказке златой,

тащут крохи друг у друга из горла и к могиле друг друга толкают.

Ярмо к бич – законы ваши, деянья ж – паука безумного сеть,

их гноем вы отравляете все сновиденья прекрасные, ту величавую сказку.

Злосчастные люди! в прах обратятся сердца ваши злобные и пустые дела,

и безучастно время сотрет след ваш кровавый.

И суетнодышащий ветер будет свистать над плитами ваших могил,

ведь вы же бессильны всегда насладиться той сказкой волшебной, той сказкой прекрасной”...

И алмазных звезд караваны бродили по небесным путям,

и все бесконечное небо звенело блестящим, негаснущим звоном.

И зачарованный мир был полон тех звуков, тех звуков небесных и вечных,

и внимал, воспарившись душою, Абу Маари величавому звону.

“Иди, караван мой, сплетая нежные звуки свои с небесным звоном тем светлым;

горе мое ты развей, иди в материнское лоно природы и назад не гляди.

Веди меня к свлоодежному, дальнему краю, к одиноким далеким, неведомым брегам;

уединенье святое ты мой оазис, ты сновидений освежающий ключ!

Молчаливое небо, говори же со мной языком твоих звезд и меня успокой,

обласкай мою душу, что мир уязвил, и ужалили люди мою раненую душу.

Неугасимая горит во мне тоска, сострадающее, вечно плачущее сердце,

и в душе у меня живет сон прекрасный, святая слеза, любовь безграничная.

Душа свободная моя, над собой не терплю я ни силы, ни власти,
нет для меня ни предела, ни блага и зла, суда и закона!

Над главою моей быть не должно защиты иль права
и вне моей жизни – темница кругом, насилие и рабство.

Быть хочу беспредельным, свободным, без владыки, без долга и
даже без бога,

одного лишь душа моя жаждет – необъятной свободы широкой!"!

И караван подвигался вперед и сияли над ним

улыбкой младенцев ясные звезды, те вечно свободные, яркие
звезды.

Светлой ночью росою волшебной сияла дорога в бирюзовой дали
и плавно шел караван в безмятежную бирюзовую даль....

Четвертый сураh

Страшная ночь, как гигантская черная птица простерла крылья
свои,

громадные крылья повисли, покрыли дорогу, и караван, и
безбрежную степь.

И с горизонта по горизонт мрачные тучи всё небо затмили,
звезды, луна сиять перестали, казалось, тьма окуталась тьмою.

Ветры, как грозные кони, что сорвались с узды, налетали сурово,
в вихре кружась, ветер и пыль с сожженных степей с облаками
мешая.

Смертоносную дрожь вызывая, свистели, кричали голосами
бессчетными,

точно ветров устами ревели и были уязвленные звери.

И вились по ущельям и по оазисам пальм, завивали грустные
ветры, будто сердце чье-то рыдало.

Иди караван мой, стойко иди против ветров, вперед, остановок не
зная! – так говорил в сердечной глубине Абу Маһари, великий поэт.

Лютые ветры, ревите над головою моею, вы вихри надо мною
бушуйте, вот, с челом непокрытым, я перед вами стою и не
трушу.

Я не вернусь в города нечестивые, где мутные страсти кипят,

в те города кроважидные, где люди, жестокие сердцем, подобных себе пожирают.

Ты не вернешься домой, бездомная моя голова, ты сама погасила свой отчий очаг.

О горе тому, кто имеет дом и очаг, как пес тот привязан к порогу. Налетите, ветры, на отчий мой дом, расшатайте устои его и разрушите.

И развейте пыль по широкому свету; путь бесконечный – дом мой теперь!

Уединенье – отчизна моя, отчий кров – небеса звездоокие, и караван – дом мой теперь, переменчивый путь – утешенье мое.

Ты, волшебный мой путь, неизвестная вечно и вечно полная чар, отчизна новая, веди меня, веди мое сердце, вечно льющее слезы, туда, где очи мои не узрят человека,

Подальше веди от родных! Как комары ненасытные, они за тобою следят, пока есть в тебе кровь, а лишь только иссохнешь – о тебе забывают.

Подальше веди от друзей! И меня защити от любви их обманной, врагов своих знаю прекрасно и от мечей их защиту найду.

Кто ж причинил бы мне тысячи ран, если б друзей и родных не имел я,

что поцелуем мне сердце раскрыли и поцелуем уязвили его.

И друг что такое? – больше других клеветник, за каждым шагом твоим неустанно следящий,

знакомые псы на тебе не залают, люди же знакомые лают всегда.

И друг что такое? – завистник добра твоего, зложелатель коварный, что ложе твое оскверняет;

увы, на моей благородной груди я змею отогрел... лети караван и не возвращайся назад!

И куда бы ни пришел, с тех мест уходи, все иди, остановок не зная.

Добрый мой путь, уведи ты меня, затеряй, дав исчезнуть, забыть, чтоб не видел никто страданий моих.

Что осталось за нами, чтобы мы, тоскуя, вернулись назад, караван мой,

покинули ль богатство, отчизну и славу, покинули ль справедливость и право?

Покинули ль людей, толпу или общество, закон, правосудье иль власть?

Иди, остановок не зная, покинули мы только оковы и цепи, ложь и обман.

И слава что же? – сегодня тебя выше небес превозносят, завтра они же ниц повергают тебя и топчут ногами.

И что же честь, уваженье людей? – чтут только золота ради, а также из страха,

когда ж поскользнешся, прах твоих ног человеком великим становится и тебя ж попирает.

И что же богатство? которым глупец, власть над людьми обретает, скупает любовь и таланты –

кровь тысячи тысяч людей,

слезы сирот, трупы мертвых.

И что же отчизна? – тюрьма вековечная, поле брани, и злобы и кровь,

ведь для нее пирамиды из тысяч людских черепов воздвигает властитель жестокий.

Ненавижу, увы, и отчизну, что богачам обнаглевшим служит пастбищей тучным,

где пахарь усердный кровавой земли голый камень гложет, глядя на свой хлеб.

Ненавижу я, ненавижу я грубую чернь, глупа она, раболепна и деспотична,

гонитель духа, якорь насилья, в безумии – могущественный зверь!

И общество что же? – лишь лагерь врагов, где человек вечный пленник в цепях,

разве выносить оно паренье души и мысли полет величавой?

Гнусное общество обруч удушливый в зле и добре твоём – бич ужасающий,

громадные ножницы, всех подрезающие, чтобы равны были все и похожи.

И что же закон? – этот меч жестокий, врученный сильным самими людьми,

вечно висит он над главою слабых, на погибель бедным, сильным на защиту.

В гневе гнушаюсь, ненавижу людские законы и право.

Во имя закона умерщвляют и губят, именем права грабят и теснят.

Уведи, избавь ты меня и бесследно укрой от кровавой людской справедливости;

пусть лучше тигры сердце мое растерзают, чем спасет справедливость меня!

Гнушаюсь, ненавижу я власть, что всегда замышляет войну, жадный она лихоимец, блюдолиз ненасытный, кровавая баня, поколений губитель.

Прошедших веков и грядущих великий грабитель она, наводящая ужас, злобная стая волков, многокогтястая геена ярая.

Она пригибает наши плечи делу, всюду настигает, давит человека,

как чудище злое на грудь мне надела она и когтями грозными сжала мой лоб.

Власть все: право, закон, справедливость, она сама совесть, и зло, и добро ты же – могила, ничтожество ты.

Каждый наш шаг цепями опутала, замки привесила вам на язык и на мысли.

И справедливости именем строгим молодых и старых вешает, казнит.

Жалкие люди, трусы и рабы; кто меч дал в руки подобному себе?

Кто дал ему право мстить себе подобным, властвовать и мучить?

Уведи меня, караван, и ехиднам доверь, схорони под песками мое бедное сердце,

уведи меня, избавь от власти и ее дикой защиты!"

В ярости буйные молнии пламенным мечом скопище туч раздирали

и тотчас дробились о вершины дальних, невидимых гор.

И выли вихри, кипарисы и пальмы трещали, шумели

и караван стремительно, быстро и звонко, галопом бежал.

Бежал он, летал, дзонг-да-дзонг, облаком пыли путь покрывая, точно спасаясь от кулака злой, негодующей власти...

Пятый сураh

И под полуденным солнцем горящим благоухали нарцисс и чубрец.
И караван, затерявшись в пыли, вперед подвигался, потом покрытый, усталый
“Иди, караван мой, пройди сквозь бури и зной и в пустыню войди”,
так говорил с гневом в сердце Абу Маhари, великий поэт.
Пусть меня встретит обжигающий ветер пустыни и с песков горючих сотрет мои следы,
чтоб никогда меня человек не нашел, чтоб рядом со мной не дышал человек.
Я спасен буду там от людей, кого же еще мне бояться?
Пусть с громким ревом тигры и льви на меня нападают.
Вот уже вижу я львов рыжешерстных, что смотрят мне прямо в глаза из-за желтых песков,
вижу как буря искры срывает с их грив золотистых.
О, придите, взываю, я не сбегу, придите сожрать мое уязвленное сердце.
К людям назад не вернусь никогда, не постучусь никогда я в дверь вероломных людей.
Нужно быть настороже с людьми и, меч имея в руках, неустанно следить,
чтобы тебя не обидели, не растерзали как друг, так и недруг!
И что же люди? – дьяволы в личине, что имеют клыки и незримые когти,
копыта имеют, о, злоречивы они, их язык – ядовитая сабля.
И кто же люди? – на крохи твои они тысячи взглядов кидают,
твой труд пожирают,
тебя предают, от тебя отрекаются; то стая лисиц и палачи, палачи!
В нищете иль беде малодушны и льстивы, низкопоклонны, продажны,
в богатстве – кичливы, горды, безжалостны, мстительны.
Если счастье один за другим неисчислимые шаги моего каравана,
моего пути беспредельного,
неисчислимые шаги – те не сравнятся с числом всех проступков,

что человек совершает в единые сутки.

И вот говорю я: востоку и западу, югу и северу,

чьи ветры противные слушают вместе мое правое слово.

"Ах, услышьте, развеите жгучее слово мое, пусть от моря до моря
узнает весь свет,

что хуже, гнусней человека жестокого – все тот же опять человек.
Люблю, люблю и шакала и волка, но человека любить никогда не
смогу я,

кто так как он безжалостно мучил меня, и кто поглотил столько крови?

Лучшие в мире падают жертвой, умирают за худших, а худшие
вечно

мучат и поглощают хороших – так в поле жизни плевелы
возрастают.

Мир криводушный, где золото всемогущее делает вора и чтимым и
честным,

глупца – мудрецом, уроды – красавцем, труса – храбрецом, и
девою чистой – блудницу!

Мир человеческий, где всюду слабый пред сильным виновен,
где уродлив и сам человек, что творит в этом мире бесчестном
лишь выгоды ради!

Лишь выгоды ради, он пленник ее, боготворит ее лапу
кровавую, –

вот каков человек, подобие якобы божье, на самом же деле –
отродье Шайтана.

Доколе звезды неугасимо мерцают над безмолвной пустыней,
и волны песка, вздымаясь, шумят и свистят точно змеи –
не возжелаю человека приветствовать я, в общество я не вернусь,
пусть лучше гиены меня растерзают и буйные ветры надо мною
ревут!

Беги, караван мой, от необузданных пиршеств развратных,
бесстыдных и пьяных,

мерзких базаров торговли и площадей обмана и лжи.

Спасайся женщины, любви и общества, беги справедливости,
мести

спасайся от друга, отчизны, беги, остановок не зная, даже
от тени людской!

Иди караван мой, своими копытами попирай закон и права,
и пылью пути своего покрывай как добро, так и зло, так и

власть....
Дугообразные выи свои выпрямив в стрелы, верблюды,
звонко бежали и за следом своим оставляли пыль караван
бесконечный
звонко бежали по обожженным степям к неизвестности, к далям,
и покрывали тучами пыли поля, города и деревни.
Точно испугавшись, бежал стремительно Абу Маһари,
остановок не зная,
точно общество, закон и женищина гнались за ним по пятам.
И караван дзонг-да-дзонг – проходил безвозвратно, не глядя
мимо башен больших городов, что хлебом и страстью кишат.
Бежал стремительно мимо деревень, окаменевших в вековой
тупости,
бежал беспрестанно к пустыне, неудержимо тоскуя по
златоблещущим звездам.
И караван негодующий дни и ночи мерил путь свой, извиваясь,
и в души глубине, размышлял Абу Маһари полный гнева,
нахмутив чело.
И без слез плакал он, и его бесконечное, беспредельное горе,
как и его извилистый путь, тянулось не зная конца, не имея
предела...
И назад не глядел он на пройденный путь и не жалел о покинутом
прошлом,
не отвечал на приветы и не слал приветов встречным караванам.

Шестой сураһ

И караван Абу Лалы остановился усталый
у врат великой пустыни Аравии.

И пламенели далекие края горизонта пустыни,
тьма подбирала свой бархатный подол, огнями алыми
волновалось небо.

И Абу Лала у каравана сел одинокий, спокойный и ясный,
к скалам златым прислонясь головой и взор погрузив в
светозарную даль.
“О, как свободен я, безгранично свободен, неужели же может

пустыня великая
заключить и объять краями своими свободу мою бесконечную и
беспредельную?
Не постигнет меня рука человека и не увидит меня человеческий
глаз,
о свобода, ты благоухание светлое пышных роз райских!
Светлыми розами своими меня увенчай, зажги светильник
в душе моей грустной,
о свобода, ты бессмертный Аль Коран соловьев пламенных
райских!
Пустыня прекрасная, тысяча приветов тебе, золотая страна
одинокости,
земля непорочная, где человек никогда не пожрал человека,
благодаря тебе!
Разстелись беспредельно, разлей над миром безбрежное море
твоих песков,
покрой всех людей, города зачумленные, покрой все деревни,
крошки и хижинки!
Вместе с драконом-ветром твоим, о пустыня, да воцарится
свобода над миром,
да зажжет величавое солнце разлитую в мире свободу!

С тысячей тысяч чудес и горящих приветов,
распустив бесконечно золотистые косы, Шэмс Солнце встало
могучее бога!
И пред очами великого Солнца распростерлась пустыня широкая,
И заблестела ярко и огненно как золотистая шкура гигантского
льва.
Салам тебе, Солнце, и вечная слава, ты моя мать бессмертная,
ты мостфанское лоно,
ты единое благо, ты милосердное вечно, ты
едина любовь моя, ты едино святое, святое!

Ты, что восторгом, бессмертием преисполнила душу зороастра
великого,
вот душа моя – жаждущая почка, влей и в нее багрянец вина
твоего.

Ты безбрежный вселенский бокал златого счастья и опьянения,
ты безбрежный бокал полный бессмертным вином очарования и
радости.

Опьяни меня, опьяни меня, твоим бессмертным вином, опьяни
меня, чтоб забыть навсегда горе и зло, ложь и мрак.

Ты вселенское торжество, ликование великое, ты, благодарное
солнце,
соперник мрака непобедимый, ты сильнее Бога, ты радость сама!

Блаженством твоим, твоею вечностью, сияньем твоим, опьяни
меня
и в сновиденьях твоих благовенных и светлых, дай мне забыться
непробудно от прошлого.

Ты единое благо, ты милосердное вечно, ты моя мать единая,
ты едино святое, святое,
смерть побуждающее, мать всякой весны, чудо из чудес, красота
единая.

Я люблю тебя, я люблю тебя, сожги, уязви меня твоею любовью
огненной,
златозарные косы твои распусти на меня и меня обласкай!

И окровавь уста мои твоими поцелуями огненно светлыми,
о, раскрой объятья, что стелят блаженство, воспаленный
любовью лечу я к тебе.

Верблюды мои благородные, встаньте, обратился Абу Маһари к
своему каравану
и стряхните со своих копыт мерзкую пыль раболепного мира.

О, в последний раз мое слово услышите, – ненавижу я вас,
далекие люди,
гнушаюсь, ненавижу обычаи ваши, ненавижу ваши благо и зло,
что приносят лишь цепи и рабства и куют кандалы;
о, в последний раз ненавижу я вас, и навеки, навеки я вас

ненавижу!

И пусть уши оглохнут мои, чтоб никогда мне не слышать шум
мира,
навек ослепну для мира, чтоб не глядеть мне назад и людей не
увидеть.

Иди, караван мой, веками лети и к солнцу стремись,
чтобы я на его светлом и огненном лоне стал солнцу подобным и
вечным.
О, солнце мать моя, багряницу твою златопенную ты мне на
плечи накинь,
чтобы я, победный, в твоей светлой славе, вечно, вечно к тебе
устремлялся...

Седьмой сураh

И верблюды, точно ладьи золотые, рассекая багровые волны
моря-пустыни, устремлялись быстро в золотистую, огненную
даль.

И никакой самум на пламенем дышащих крыльях не мог бы
настигнуть их бега,
и не могла бы их полета настигнуть стрела бедуинова лука.

Мать-пальма с оазисов от светлых пурей пламенных сказок
поцелуи ему приносила, приветы любви и их переливы сладко
ему напевала.

Но Абу Маhари не хотел внимать нежному шелесту, привету
любви,
беспреданно все к солнцу летел он, сам – точно яркое солнце.

За ним лишь пустыня расстилалась, нагая в объятиях света,
а над головою нежилось солнце, сапфировым волосом разливая
свет.

Верблюды расцепленные, в безумном стремлении, бешенно мчались, звонко летели в порыве огненном безудержно, яро.

И в струях солнца льющихся ярко, пылали верблюды подобно огню,

и звон бубенцов громко капал, свободный, восторженный, ясный...

И с багряницей на плечах золотопенного Абу Маһари, велечавый, победный, к солнцу летел, не зная ни сна, ни усталости, к бессмертному солнцу летел.

Перевод с армянского